

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-1-108-119>

Соотношение судейского усмотрения и единообразного применения правовых норм в гражданском и арбитражном процессе

К. С. Рыжков

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права
Уральского филиала Российского государственного университета правосудия.
Адрес: Уральский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
454135, Челябинск, ул. Энергетиков, 63.
E-mail: knrz2006@yandex.ru

The Ratio of Judicial Discretion and Uniform Application of Legal Norms in Civil and Arbitration Proceedings

K. S. Ryzhkov

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedural Law,
Ural Branch of the Russian State University of Justice, Chelyabinsk.
Address: Ural Branch of FSBEIHE «Russian State University of Justice»,
63 Energetikov Street, Chelyabinsk, 454135, Russian Federation.
E-mail: knrz2006@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы, связанные с соотношением категорий «судейское усмотрение» и «единообразное применение правовых норм» в рамках правоприменительной деятельности судов. В частности, рассматриваются вопросы, касающиеся правовой природы и пределов применения судейского усмотрения. Уделяется внимание исследованию оценочных категорий, содержащихся в нормах материального и процессуального права, которые применяются судами по конкретным делам. По результатам проведенного исследования сделан вывод о необходимости максимальной конкретизации правовых норм, требующих судейского усмотрения при их применении, как на уровне правотворческой деятельности, так и в рамках формулирования обязательных к применению разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Предложено конкретизировать в действующем законодательстве полномочия Пленума в части обязанности формулировать в своих постановлениях исключительно закрытые перечни оснований для применения правовых норм, допускающих возможность суда действовать по своему усмотрению с учетом обстоятельств дела. Также предложены дополнительные механизмы, предполагающие применение современных информационных технологий в судебной деятельности, которые позволят суду количественно измерить и определить обширность судебной практики по определенной категории дел, а также иные ее параметры, которые в настоящее время носят оценочный характер.

Ключевые слова: единообразие судебной практики, суд, неустойка, снижение неустойки, разумность, сложность дела, справедливость, достаточность, соразмерность, применение права, судебные расходы, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Abstract

The article analyzes the problems associated with the correlation of the categories «judicial discretion» and «uniform application of legal norms» in the framework of law enforcement activities of courts. In particular, the issues concerning the legal nature and limits of the application of judicial discretion are considered. Attention is paid to the study of evaluation categories contained in the norms of substantive and procedural law, which are applied by courts in specific cases. Based on the results of the study, a conclusion was made about the need for maximum concretization of legal norms requiring judicial discretion in their application, both at the level of law-making activity and within the framework of the formulation of mandatory explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. It is proposed to specify in the current legislation the powers of the Plenum in terms of the obligation to formulate in its decisions exclusively closed lists of grounds for the application of legal norms that allow the court to act at its discretion, taking into account the circumstances of the case. Additional mechanisms involving the use of modern information technologies in judicial activity are also proposed, which will allow the

court to quantify and determine the vastness of judicial practice in a certain category of cases, as well as its other parameters, which are currently evaluative.

Keywords: uniformity of judicial practice, court, penalty, reduction of penalty, reasonableness, complexity of the case, fairness, sufficiency, proportionality, application of law, court costs, civil procedure, arbitration process.

От суда в процессе правоприменительной деятельности требуется не только установить обстоятельства дела, но и определенным образом применить к ним правовые нормы. В то же время суд не рассматривает дела шаблонно. На него возложена обязанность учесть установленные по делу обстоятельства. При этом правовые нормы также зачастую обладают определенной степенью гибкости, которая предполагает для правоприменителя возможность выбора из нескольких вариантов. В таком случае суду дана возможность разрешить дело по своему усмотрению, хотя и в установленных законом пределах. Разумеется, такая возможность ограничена не только применяемыми в деле нормами права. К примеру, от суда требуется разрешить дело с учетом всех его обстоятельств, что является важным условием обоснованности выносимых по нему судебных актов.

Не менее важную роль в контексте судебной дискреции играет и учет сложившейся судебной практики, прежде всего практики Верховного Суда Российской Федерации. Так, в качестве основания отмены судебных актов в порядке надзора статьи 391.9 ГПК РФ¹ и 308.8 АПК РФ² предусматривают нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права. Таким образом, очевидна необходимость суда при вынесении решения по делу не только ограничиваться рамками закона, но и применять нормы права без нарушений указанного единообразия. В связи с вышесказанным актуальным является вопрос соотношения судебного усмотрения и единообразного применения правовых норм в гражданском и арбитражном процессе. Иными словами, важно понять, в каких случаях судебское усмотрение нарушает такое единообразие.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. от 10 марта 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Статья 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Статья 3012.

Для ответа на вышеуказанный вопрос следует обратиться к сущности и содержанию судебного усмотрения в современной доктрине и правоприменительной практике. В настоящее время отсутствует единое мнение в части правовой природы судебного усмотрения, в частности, по вопросу о соотношении понятий «судебное усмотрение» и «судейское усмотрение» [2. – С. 158; 6. – С. 7]. Указанный вопрос касается корректности применяемой терминологии и находится в лингвоюридической плоскости, в связи с чем требует отдельного исследования. Поэтому в рамках настоящей статьи термины «судебное усмотрение» и «судейское усмотрение» будут применяться как синонимичные, означающие возможность суда в лице конкретного судьи (судей) при рассмотрении конкретного дела действовать по своему усмотрению. Для целей настоящего исследования гораздо важнее установить содержание усмотрения как такового.

А. П. Коренев подразумевал под усмотрением в целом определенную рамками законодательства степень свободы органа в правовом разрешении индивидуального конкретного дела [5. – С. 73–74]. Достаточно подробное определение понятия «судебное усмотрение» было дано К. И. Комиссаровым, который понимал под таким «предоставленное суду полномочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона» [4. – С. 56].

В правоприменительной практике также предпринимаются попытки раскрыть правовую природу судебного усмотрения. В одном из определений было отмечено, что у суда имеется право принять соответствующее решение в пределах предоставленной ему свободы усмотрения, что с учетом задачи судопроизводства в арбитражных судах по защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность и являющихся, в частности, сторонами исполнительного производства, само

по себе не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав и свобод¹. В обоснование своей позиции суд сослался на определение Конституционного Суда Российской Федерации².

Важно также отметить, что применение права невозможно без его толкования. Если не уяснить смысл правовой нормы и целевые установки, заложенные в нее законодателем, то деятельность по ее применению будет в значительной степени спонтанной, что в конечном итоге приведет к нарушению прав и законных интересов тяжущихся сторон. А значит, от суда требуется не только правильное применение правовой нормы, но и ее правильное толкование. При этом правильность толкования является в значительной степени предпосылкой для ее последующего применения.

В связи с вышесказанным важно отметить, что, хотя толкование правовых норм и значимо для правоприменительной деятельности, его роль в контексте судебного усмотрения не столь значима, как в случае с применением права. Причина состоит в том, что при толковании нормы суд, хотя и выбирает один из вариантов толкования, выбор этот предполагает только один правильный вариант. У правовой нормы не может быть нескольких противоположных по смыслу, но одинаково правильных вариантов толкования, иначе следовало бы говорить о ее несовершенстве.

Указанная позиция находит свое подтверждение в доктрине. Так, К. С. Тишкович отмечает, что «толкование не является сущностью дискреционных полномочий, а представляет собой инструмент, используемый правоприменителем с целью вынесения законного и обоснованного

решения в случае его применения во взаимосвязи с толкованием» [14. – С. 139]. В процессе применения права, напротив, выбор из нескольких равнозначных вариантов возможен, если сама норма это допускает. Таким образом, в части судебного усмотрения далее будут проанализированы особенности применения права в рамках судебской дискреции.

В научной литературе также справедливо отмечается, что «судейское усмотрение заменить ничем нельзя. Вместе с тем некоторая формализация законодателем такого усмотрения привела бы к большей стабильности судебной практики, ее единообразию, укреплению законности и максимальной реализации принципа справедливости» [11. – С. 717]. В контексте всего вышесказанного актуальным является вопрос о возможности достижения единообразного применения норм права в случаях, когда эти нормы предполагают не строго определенный вариант действий, а выбор из определенного диапазона вариантов на основании судебного усмотрения.

На первый взгляд выбор из представленных законом вариантов при разрешении судом конкретного спора не влечет сам по себе нарушения в части единообразного применения правовых норм. Однако судебная дискреция зачастую возможна в настолько широких пределах, что неизбежным становится вопрос о хотя бы примерном единстве подходов в правоприменении. Ю. А. Свиринов отмечает, что «судьи должны обладать правом при разрешении дела исходить из своего усмотрения, однако должны быть определены критерии допустимости судебного усмотрения» [12. – С. 30]. При этом «исследователи, в том числе, имеющие значительный практический опыт, пишут о сложном этико-правовом, нравственно-правовом характере критериев» судебного усмотрения [3. – С. 139].

В качестве показательных примеров следует рассмотреть две весьма распространенные на практике ситуации, связанные с выбором судом правовой нормы, тем более что указанные ситуации традиционно вызывают оживленную дискуссию как в доктрине, так и среди практикующих юристов.

Первая из таких ситуаций основана на положении части 1 статьи 333 ГК РФ, согласно которой, если подлежащая уплате неустойка явно

¹ Определение Арбитражного суда города Москвы от 15 апреля 2022 г. по делу № А40-158538/12. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 467-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Банк «Зенит» на нарушение конституционных прав и свобод положениями части 1 статьи 205 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 1995 года, части 1 статьи 324 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 2002 года и статьи 18 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Текст определения официально опубликован не был. – URL: <https://www.consultant.ru>

несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить ее¹.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации № 263-О отмечено по этому поводу, что в части 1 статьи 333 ГК РФ речь идет не о праве суда, а по существу его обязанности установить баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного (а не возможного) размера ущерба, причиненного в результате конкретного правонарушения².

Порядок применения статьи 333 ГК РФ подробно разъяснен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7³. Однако положения статьи 333 ГК РФ часто становятся предметом научных дискуссий. Так, по мнению И. А. Шаламовой, «норма статьи 333 Гражданского кодекса РФ позволяет суду оценивать условия договора с точки зрения достижения разумного баланса интересов сторон», но в то же время «произвольная оценка условий договора о размере неустойки приводит к произвольному же ее снижению, что нарушает принцип справедливости» [16. – С. 180].

М. Ю. Осипов и вовсе считает указанную норму ошибочной, отмечая, что «действительно, неустойка может быть очень велика, но следует при этом помнить, что заявление об уменьшении неустойки делает лицо, которое само нарушило обязательство и которое согласилось с тем, что если оно нарушит свое обязательство, то оно выплатит установленную неустойку» [7. – С. 118].

Аналогичной точки зрения придерживается С. М. Хужин, который отмечает, что «получается следующая парадоксальная ситуация: правона-

рушитель получает поддержку и одобрение со стороны закона его противоправным действиям, если докажет несоразмерность неустойки и необоснованность выгоды лица, действующего правомерно» [15. – С. 78].

Так или иначе, в настоящее время указанная норма существует, а суды сталкиваются с целым рядом сложностей, связанных с ее единообразным применением. Как отмечается в судебной практике, само понятие несоразмерности носит оценочный характер⁴. А значит, в контексте деятельности судов необходимо установить его содержание и критерии, по которым возможно определить, соразмерна ли неустойка последствиям нарушения обязательства или нет.

В правоприменительной деятельности предпринимаются попытки определить такие критерии. Для установления несоразмерности подлежащей уплате неустойки последствиям нарушения обязательства предлагается учитывать чрезмерно высокий процент неустойки, значительное превышение суммы неустойки над суммой возможных убытков, вызванных нарушением обязательства, длительность неисполнения обязательства и другие обстоятельства⁵. То есть закрытого перечня критериев в судебной практике не сформулировано.

Сложность в установлении на практике соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства может быть также проиллюстрирована следующими примерами. По результатам рассмотрения дела по иску одного ООО к другому о взыскании неустойки по договору арбитражный суд отметил, что размер начисленной неустойки является соразмерным нарушенному обязательству, не нарушает реального баланса интересов сторон при осуществлении предпринимательской деятельности, согласованный сторонами размер пени является обычным в деловом обороте, соответствует сложившейся практике договорных отношений хозяйствующих

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Статья 3301.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2000 г. № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации». Текст определения официально опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы Гарант. – URL: <https://www.garant.ru>

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 22 июня 2021 г.) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 5.

⁴ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 7 апреля 2022 г. по делу № А60-3331/2022. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>.

⁵ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 июля 1997 г. № 17 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 9.

субъектов, отвечает принципам разумности и соразмерности ответственности за нарушение обязательства, не считается чрезмерно высоким. Поэтому суд счел неустойку справедливой, достаточной и соразмерной мерой ответственности, которая не будет являться средством обогащения истца за счет ответчика. Не было найдено оснований для снижения неустойки, а также оснований считать данный случай исключительным либо экстраординарным¹. В данном случае суд обосновал свою позицию в части отказа снизить неустойку такими категориями, как «отсутствие нарушения реального баланса интересов сторон», «обычный размер в деловом обороте», «соответствие сложившейся практике договорных отношений» и «чрезмерность». Эти категории являются оценочными, так как невозможно сформулировать объективные критерии соответствия им.

Так, нарушение баланса интересов сторон предполагает возможность установить такой баланс в каждом конкретном случае. А однозначно сформулированных критериев установления такого баланса в правовых нормах найти невозможно. В то же время, по справедливому замечанию П. В. Репьевой, «важным фактором, определяющим самостоятельность категории и института баланса, выступает принцип измеримости» [10. – С. 66].

Еще сложнее установить обычный размер неустойки в деловом обороте. Закон не предусматривает, как именно это сделать, обращаться ли к данным статистики, сформированной за определенной период практики судов, действующих на определенной территории, и т. д. То же самое справедливо и в отношении соответствия неустойки сложившейся практике договорных отношений, тем более что оценочной является категория чрезмерности, не раскрытая в положениях законодательства.

Судом в указанном решении была сделана ссылка на отсутствие у рассмотренного дела свойств исключительности и экстраординарности (что это такое, суд в своем решении также не разъяснил).

Иными словами, закон и правоприменительная практика не только не содержат исчерпывающего перечня критериев для снижения неустойки, но и большинство указанных критериев субъективны и не гарантируют объективность суда при их применении, а также справедливость выносимого им судебного акта.

В свою очередь отсутствие объективных критериев зачастую создает ситуации, вызывающие у сторон сомнения в эффективности судебной защиты. Так, в одном из дел истец М. Е. И. обратился с иском к ЗАО ФСК «Западный луч» о взыскании неустойки по договору участия в долевом строительстве в связи с нарушением ответчиком предусмотренного договором срока передачи объекта долевого строительства. Решением суда на основании статьи 333 ГК РФ размер неустойки был снижен. При этом суд в своем решении учел существенные, по его мнению, обстоятельства дела (в том числе длительность и последствия нарушения обязательства, степень вины ответчика, требования разумности и справедливости, соотношение размера неустойки и общей цены договора, баланс интересов сторон, компенсационную природу неустойки)². Однако ответчик, хотя и согласившись с самим фактом нарушения, счел установленный судом первой инстанции размер неустойки несоразмерным нарушением, в связи с чем обратился с апелляционной жалобой, требуя еще больше его уменьшить. Суд апелляционной инстанции согласился с его требованиями³. В данном деле наибольшее внимание обращает на себя не столько сам факт снижения неустойки, сколько обоснование такого снижения. Несмотря на то что суды первой и апелляционной инстанции указали в своих судебных актах на обстоятельства, которые были ими учтены, характер и степень их влияния на итоговый (сниженный судом) размер неустойки не были раскрыты ни в решении, ни в апелляционном определении.

Следует ли говорить в данном случае о судебной ошибке? Вряд ли, поскольку суды применили норму статьи 333 ГК РФ, предполагающую судебское усмотрение при ее применении. Исчерпывающе сформулированных критериев закон в данном случае фактически не дает. Поэто-

¹ Решение Арбитражного суда Иркутской области от 7 апреля 2022 г. по делу № А19-21024/2021. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>.

² Решение Metallургического районного суда от 22 августа 2017 г. по делу № 2-1553/2017. – URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

³ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 7 ноября 2017 г. по делу № 11-14785/2017. Архив Челябинского областного суда.

му решающую роль при разрешении указанного вопроса играет исключительно мнение суда, основанное на его внутреннем убеждении о разумности и справедливости размера неустойки.

С одной стороны, это логично, поскольку обстоятельства каждого дела уникальны. С другой стороны, суд, снижая неустойку, не может быть уверен в правильности своего вывода, поскольку усмотрение вышестоящего суда при рассмотрении апелляционной жалобы может быть иным. Что мы и наблюдаем в рассматриваемом деле. А значит, судебная практика по конкретным делам теряет свойство устойчивости и предсказуемости, если от суда требуется применение подобных норм, предполагающих судебское усмотрение. Ведь далеко не всегда суды первой и апелляционной инстанции могут до копейки сойтись в части размера взыскиваемой с ответчика суммы.

Такое положение дел мотивирует стороны обжаловать судебные акты по делам, в которых были применены подобные нормы, неизбежно связанные с судебским усмотрением. Оспаривание судебных актов не является обязательным и даже желательным, так как создает дополнительную нагрузку на суды и свидетельствует о неудовлетворенности субъектов процесса его результатами, что неизбежно отражается на авторитете судебной системы.

Вторая подобная ситуация встречается в правоприменительной практике, пожалуй, даже чаще, поскольку связана с возмещением судебных расходов стороне, в пользу которой состоялось судебное решение.

Так, согласно части 3 статьи 11 АПК РФ, по заявлению лица, участвующего в деле, на которое возлагается возмещение судебных расходов, арбитражный суд вправе уменьшить размер возмещения, если этим лицом представлены доказательства их чрезмерности. Указанное положение в силу пункта 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 по аналогии закона применяется также и в гражданском процессе (часть 4 статьи 1 ГПК РФ)¹.

Прежде всего, обращает на себя внимание оценочная по своей природе категория чрезмер-

ности. Что это такое и где проходит объективная грань между достаточностью и чрезмерностью, законодателем не конкретизировано. Данный вопрос, как и в случае со снижением неустойки, целиком находится в компетенции суда, рассматривающего дело.

Не вносит ясности в данный вопрос и правовая позиция Пленума Верховного суда Российской Федерации. В пункте 11 его Постановления от 21 января 2016 г. № 1 указано, что, разрешая вопрос о размере сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, суд не вправе уменьшать его произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов. В то же время в целях реализации задачи судопроизводства по справедливому публичному судебному разбирательству, обеспечения необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон суд вправе уменьшить размер судебных издержек, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер. Также в пункте 12 указанного Постановления отмечено, что при неполном (частичном) удовлетворении требований расходы на оплату услуг представителя присуждаются каждой из сторон в разумных пределах. Данный вывод подтвержден Конституционным Судом Российской Федерации, который в Постановлении № 454-О указал, что обязанность суда взыскивать расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах является одним из предусмотренных законом правовых способов, направленных против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя, и тем самым – на реализацию требования части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации².

Очевидно, что категория разумности (неразумности), как и категория чрезмерности, носит оценочный характер. Более того, одновременное упоминание в Постановлении № 1 двух вышеука-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 4.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Траст» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Текст определения официально опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы Гарант. – URL: <https://www.garant.ru>

занных терминов неизбежно ставит вопрос об их содержании и соотношении.

Так, в одном из судебных решений было указано следующее. Законодателем установлены два критерия для изучения и оценки в вопросе обоснованности размера судебных издержек, заявленных к возмещению: чрезмерность и разумность. При этом суд отметил, что сравнение и оценка заявленного размера возмещения расходов на оплату услуг представителя не должны сводиться исключительно к величине самой суммы, без анализа обстоятельств, обусловивших такую стоимость. Для этого имеются объективные пределы оценки, вызванные самостоятельностью действий стороны в определении для себя способа и стоимости защиты, вызванного как несомненностью своих требований по иску, соразмерностью затрат последствиям вызванного предмета спора, так и поиском компетентных и опытных юридических сил для их отстаивания в суде¹.

Очевидно, что судом в данном случае была предпринята попытка сформулировать критерии чрезмерности и неразумности судебных расходов, что, безусловно, правильно и заслуживает внимания. Однако представляется спорной позиция суда о том, что чрезмерность и разумность (неразумность) – это разные критерии. Ведь в вышеупомянутом пункте 11 Постановления Пленума № 1 сказано про неразумный (чрезмерный) характер, что предполагает синонимичность указанных понятий. И действительно, разве чрезмерные расходы могут быть разумными, а неразумные – нечрезмерными?

Поэтому понятия чрезмерности и неразумности судебных расходов следует трактовать как синонимы. При этом для целей настоящего исследования указанные понятия (а точнее, одно и то же понятие) значимы как подтверждающие наличие у суда широкой дискреции при установлении подлежащего взысканию размера судебных расходов. При этом важно отметить, что в пункте 13 Постановления Пленума № 1 все-таки делается попытка раскрыть и конкретизировать понятие разумности судебных расходов. В части расходов на оплату услуг представителя разумными предлагается считать такие расходы, которые при сравни-

мых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При этом для определения разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку представителем процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства.

При внимательном анализе указанных положений возникает сразу несколько вопросов:

1. Перечень значимых обстоятельств является открытым, что существенно девальвирует ценность указанной правовой позиции Пленума, так как все возможные основания в нем не перечислены. А значит, суд может учесть любые иные обстоятельства, что делает его выводы по делу существенно менее предсказуемыми.

2. Указанный перечень касается только расходов на оплату услуг представителя, так что не ясно, следует ли применять его к иным видам судебных расходов.

Иными словами, установление разумности или неразумности (чрезмерности) судебных расходов все равно требует от суда самостоятельного определения итогового перечня критериев, по которым будет сделан соответствующий вывод. Судебная практика подтверждает данный факт. Более того, из ее анализа очевидно отсутствие единообразных подходов к установлению разумного размера судебных расходов. Например, в одном из дел истцом было заявлено требование о взыскании судебных расходов по оплате юридических услуг по составлению искового заявления в сумме 5 000 рублей.

Проанализировав оказанные представителем истца услуги с позиции подверженности их результату и времени, которое мог бы затратить на подготовку материалов квалифицированный специалист, исходя из состава заявленных по делу требований, сложности и характера спора, т. е. всего объема проделанной юридической работы, суд пришел к выводу о возмещении в качестве разумной суммы расходов на оплату услуг представителя в размере 3 000 рублей².

В другом деле при определении подлежащего возмещению размера судебных расходов было

¹ Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 13 ноября 2022 г. по делу № А07-20021/2021. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>

² Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 13 января 2022 г. по делу № А07-20021/2021. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>

отмечено, что рекомендуемыми минимальными ставками стоимости некоторых видов юридической помощи, оказываемой адвокатами Адвокатской палаты Красноярского края, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты Красноярского края, установлена минимальная стоимость работ по составлению искового заявления либо отзыва на исковое заявление – 42 000 рублей¹.

Иными словами, в двух вышеуказанных примерах судами были положены в основу своих выводов разные критерии определения разумного размера судебных расходов. В первом случае таковыми явились сложность и временные затраты, а во втором – соответствие положениям рекомендуемых минимальных ставок стоимости некоторых видов юридической помощи.

В то же время попытки установить единые критерии разумности судами все же предпринимаются. В одном из судебных актов на основании анализа положений обзора судебной практики² было отмечено, что разумность должна определяться исходя из длительности судебного разбирательства, фактов проверки законности и обоснованности судебных актов в нескольких судебных инстанциях, сложности разрешающихся в ходе рассмотрения дела правовых вопросов, сложившейся судебной практики рассмотрения аналогичных споров, необходимости подготовки представителем в сравнительно сжатые сроки большого числа документов, требующих детальных исследований, размера вознаграждения представителей по аналогичным спорам и делам, обоснованности привлечения к участию в деле нескольких представителей, фактического исполнения представителем поручения поверенного. Также могут приниматься во внимание нормы расходов на служебные командировки, установленные правовыми актами, стоимость экономных транспортных услуг, время, которое мог бы за-

тратить на подготовку материалов квалифицированный специалист, сложившаяся в регионе стоимость оплаты услуг адвокатов, имеющиеся сведения статистических органов о ценах на рынке юридических услуг, продолжительность рассмотрения и сложность дела³.

Полагаем, что сформулированные в указанном случае критерии, хотя и не устраняют оценочного характера норм о снижении судебных расходов (что невозможно и, в общем-то, не требуется), но позволяют достичь относительно приемлемого уровня правовой определенности в части определения обоснованности такого снижения. И все же следует отметить, что вышеуказанные критерии не безупречны. Так, зачастую суды при определении размера судебных расходов, подлежащих взысканию, ссылаются на сложность дела, что также относится к числу оценочных категорий. Например, в одном из дел арбитражный суд указал на крайне низкую сложность дела, что предполагает оценочный характер⁴.

При этом суды пытаются определить критерии сложности. Например, в одном из постановлений было отмечено, что суд первой инстанции, учитывая сложность рассматриваемого спора, отметил, что подготовка документов по спору не требовала от представителя ответчика каких-либо специальных познаний в различных отраслях экономики и права, а само доказывание обстоятельств по делу не требовало от представителя арбитражного управляющего сложных арифметических расчетов⁵.

Является сомнительным, что сложность дела подлежит измерению. Ее можно определить лишь в сравнении с иными делами. А весь объем сложившейся судебной практики суд изучить и обобщить не способен, в связи с чем он вынужден будет опираться или на собственную практику, или на ту ее часть, которая ему известна.

¹ Определение о распределении судебных расходов Арбитражного суда Красноярского края от 9 апреля 2022 г. по делу № А33-17463/2021. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>.

² Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2007 г. № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 2.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 марта 2022 г. по делу № А40-58648/19. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>.

⁴ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2022 г. по делу № А51-9562/2021. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>

⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 марта 2022 г. по делу № А40-58648/19. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>

А значит, говорить об объективности критерия сложности дела довольно проблематично.

Еще в одном деле суд, снижая размер взыскиваемых судебных расходов, отметил, что спор не является сложным, по указанной категории имеется обширная практика¹. При этом суд никак не объяснил, почему спор, по его мнению, не является сложным. В решении было указано только, что суд пришел к такому выводу на основе изучения и оценки предоставленных в дело письменных доказательств. Отметим также, что в данном случае суд сослался не только на сложность спора, но и на обширность сложившейся судебной практики. При этом количественных характеристик понятия обширности применительно к судебной практике закон также не называет. Иными словами, неясно, сколько аналогичных дел должно быть разрешено судами, чтобы практика по ним стала обширной. Более того, суд не привел обоснований обширности практики, что делает его выводы несколько обобщенными и сомнительными с точки зрения их обоснованности.

Таким образом, применительно к вопросу о снижении судебных расходов действующее законодательство и правоприменительная практика не содержат исчерпывающего перечня критериев. Многие из указанных критериев носят не просто оценочный характер, но и сформулированы некорректно с точки зрения юридической техники. В частности, неудачным представляется понятие «сложность дела».

Все вышесказанное подводит к вопросу о том, в каких случаях от суда требуется применить нормы права по своему усмотрению. Полагаем, что значительную часть указанных случаев можно обобщить понятием исключений в праве, поскольку суду при реализации дискреционных полномочий обычно дана возможность отойти от общего правила с учетом существования неких юридических значимых обстоятельств.

Безусловно, не всегда судебная дискреция представляет собой вопрос об исключении из общего правила. Например, при компенсации морального вреда суд применяет не нормы-исключения, а общие нормы, касающиеся его взыскания (статья 151 ГК РФ). При этом тяжесть

причиненных физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом заслуживающих внимания фактических обстоятельств дела, к которым могут быть отнесены любые обстоятельства, влияющие на степень и характер таких страданий (пункт 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33)². Аналогично в силу части 3 статьи 1252 ГК РФ размер компенсации определяется судом в пределах, установленных ГК РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости³. Иными словами, при разрешении указанных вопросов также невозможно обойтись без судебного усмотрения.

И все же, как видно на ранее рассмотренных примерах, применение норм-исключений является широко распространенным основанием для судебной дискреции. Также можно вспомнить и иные нормы, предполагающие дискрецию. Например, согласно статье 203 ГПК РФ суд вправе отсрочить или рассрочить исполнение решения суда, изменить способ и порядок его исполнения. В силу же часть 2 статьи 78 ГПК РФ в исключительных случаях носители аудио- и видеозаписей могут быть возвращены лицу или организации, от которых они получены.

Указанные положения законодательства свидетельствуют о том, что исключения в праве весьма распространены, а вопрос об их применении – это зачастую вопрос судебной дискреции. Поэтому интересным является вопрос о применении исключений из общих правил с учетом обстоятельств дела. Точнее, важно выяснить, насколько в законодательстве судебной практики сформированы подходы к применению исключений, в том числе в целях обеспечения единообразия судебной практики. По мнению В. М. Баранова, существует научная проблема, заключающаяся «в дисбалансе между правом в его традиционном понимании как совокупности норм, общеобязательных образцов поведения и

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. – 2022. – № 267 (8915).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (часть 1). – Статья 5496.

¹ Решение Арбитражного суда Челябинской области от 7 апреля 2022 г. по делу № А76-26321/2021. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. – URL: <http://www.arbitr.ru>

предельно широкой полиморфией общественных отношений» [1. – С. 145].

Следует отметить, что исключения в праве достаточно подробно исследованы в теоретико-правовой плоскости. Так, С. Ю. Суменков отмечает, что «для права как особой совокупности социальных норм, выполняющей роль государственного регулятора, исключения из правил необходимы так же, как и сами правила» [13. – С. 59]. В то же время действующее законодательство редко предусматривает основания или критерии применения таких исключений (например, основания и критерии не только самой возможности снижения неустойки, но и величины снижения в конкретном случае). Обязательные к применению разъяснения Верховного Суда Российской Федерации также часто не дают ответа на указанные вопросы, поскольку имеют достаточно общий характер и (или) содержат открытый перечень оснований для применения указанных норм-исключений. Например, согласно пункту 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 50, вопрос о наличии оснований для предоставления отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа решается судом с учетом всех имеющих значение фактических обстоятельств, к которым, в частности, могут относиться тяжелое имущественное положение должника, причины, существенно затрудняющие исполнение, возможность исполнения решения суда по истечении срока отсрочки¹.

Таким образом, процесс определения в судебной практике подходов к применению норм-исключений, особенно сформулированных с использованием оценочных понятий, является в значительной мере стихийным, что негативно сказывается на достижении единообразия в применении правовых норм. Все вышеизложенное ставит вопрос о формулировании строго определенных критериев применения правовых норм, предполагающих судебскую дискрецию. Для этого необходимо предусматривать в рамках Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации закрытые перечни таких критериев

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 1.

применительно к каждой правовой норме, предполагающей судебское усмотрение.

В научной литературе предлагаются и иные механизмы обеспечения единообразного применения норм права в рамках судебной дискреции. Так, в качестве решения проблемы в научной литературе предлагается расширить возможности для применения юнитов искусственного интеллекта, выполняющих функции и полномочия судьи, так как такой юнит «не подвержен коррупции и эмоциям, способен строго придерживаться законодательных рамок и выносить решения с учетом многих факторов, включая данные, которые характеризуют участников спора, сможет оперировать существенно большими (нежели судья-человек) объемами массивов данных из хранилищ государственных служб, прежде всего – из архивов судебных дел и справочных правовых систем, сможет несопоставимо быстрее обрабатывать данные и учитывать значительно больше факторов, чем судья-человек» [6. – С. 11].

Впрочем, указанная позиция в целом не находит поддержки исходя из того, что «нравственная оценка дела пока (возможно, и в будущем) доступна только человеку как личности и не доступна роботу, даже функционирующему на основе искусственного интеллекта» [8. – С. 200]. Поэтому следует поддержать точку зрения о том, что применение технологии искусственного интеллекта на современном этапе развития науки и техники не способно помочь в решении рассматриваемой в настоящей статье проблемы.

В то же время нельзя игнорировать возможности технологий больших данных в части автоматического поиска и анализа судебной практики по ее количественным показателям (например, число рассмотренных дел определенной категории; процент дел, требования по которым были удовлетворены; средний размер судебных расходов, признанных судом разумными и т. д.). Анализ указанных данных может сделать измеримыми некоторые значимые для судебной дискреции категории, например, обширность судебной практики. Более того, при обобщении судебной практики появится возможность учесть большее число оснований и критериев, касающихся применения норм, допускающих судебское усмотрение.

В юридической науке также высказываются мнения о необходимости ограничить применение оценочных категорий в текстах нормативных правовых актов. По мнению С. В. Петракова,

«одна из причин коррупциогенности законодательства заключается в наличии в нормативно-правовом акте чрезмерного количества оценочных категорий, расширяющих полномочия должностных лиц. Для предотвращения этого негативного явления оценочные категории должны исключаться из санкций правовых норм всех отраслей права, а также диспозиций норм, ограничивающих конституционные права граждан» [9. – С. 260]. Указанная позиция представляется отчасти справедливой, хотя и трудно реализуемой, так как полностью избежать существования оценочных категорий в праве невозможно в силу сложности и многообразия общественных отношений. При этом частичный отказ от применения в юридической технике оценочных категорий сам по себе не снимает проблему судебного усмотрения в контексте единообразия судебной практики.

На основании вышеизложенного установление разумного баланса между существованием правовых норм, предполагающих судебное усмотрение, и единообразием судебной практики представляет собой сложную задачу, лежащую одновременно в правотворческой и в правоприменительной плоскости.

Для ее решения требуется конкретизация закреплённых в законе оснований для применения норм-исключений и иных норм, допускающих судебную дискрецию. Также видится необходимым отказаться от формулирования открытых перечней оснований и критериев применения таких норм в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Следует также внести изменения в законодательство, изложив пункт 1 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 6. – Статья 550) в следующей редакции: «Пленум Верховного Суда Российской Федерации: рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и даёт судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации, в том числе устанавливая в указанных разъяснениях исключительно закрытые перечни оснований для применения правовых норм, допускающих возможность суда действовать по своему усмотрению с учетом обстоятельств дела».

Список литературы

1. Баранов В. М. Правовые исключения: теория, практика, техника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 145–157.
2. Берова Д. М. Судейское усмотрение и пределы судебной дискреции в уголовном процессе в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С. 157–163.
3. Глобенко О. А. Судебное правотворчество и судебное усмотрение в контексте эволюции российского права // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 7 (199). – С. 137–140.
4. Комиссаров К. И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 49–56.
5. Корнев А. П. Нормы административного права и их применение. – М.: Юрид. лит., 1978.
6. Морхат П. М. Использование искусственного интеллекта при осуществлении правосудия как способ преодоления судебного усмотрения // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 5 (161). – С. 6–11.
7. Осипов М. Ю. Проблемы снижения неустойки российскими судами // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 1 (134). – С. 116–122.
8. Пашенцев Д. А., Новикова К. С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 199–202.
9. Петраков С. В. Правила использования оценочных категорий в правовом регулировании // Юридическая техника. – 2009. – № 3. – С. 255–263.
10. Рельева П. В. К вопросу о принципах баланса интересов // Евразийский союз ученых. – 2017. № 10–2 (43). – С. 65–68.
11. Рогова Е. В. Влияние уголовно-правовых санкций на индивидуализацию наказания // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 710–720.

12. *Свирин Ю. А.* Судебный прецедент, правовые позиции суда и судебское усмотрение как источник права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2020. – № 4 (59). – С. 26–30.
13. *Суменков С. Ю.* Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 7 (116). – С. 59–69.
14. *Тишкович К. С.* К вопросу о разграничении судебного толкования и судебного усмотрения при рассмотрении трудовых споров // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 3 (40). – С. 139–141.
15. *Хужин С. М.* Новые правила снижения размера неустойки судом // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2016. – № 11 (11). – С. 76–78.
16. *Шаламова И. А.* Снижение неустойки по статье 333 Гражданского кодекса РФ: соблюсти баланс интересов // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10 (125). – С. 180–182.